

«Можно ли это называть ароматом заката?»

День уже подходил к концу, и лёгкий ветерок приносил какой-то вызывающий ностальгию запах.

Этот аромат навевал грусть.

«Это цветы или какие-то специальные растения? Что бы это могло быть?»

Выяснить источник запаха заката не хотелось. Ведь если о нём станет известно, аромат сразу же потеряет половину своего очарования. Запах мог пробуждать чувства только будучи окутанным тайной.

— Это место и правда пугающее, — выдохнул Ксинс Эирвинкель, восседающий на старом деревянном кресле.

Вокруг него простирался огромный парк, окружённый высоким тёмно-серым забором. Из окрашенного заходящим солнцем в краповый цвет фонтана вырывались струи воды, а многочисленные цветы под ногами горделиво цвели, не дожидаясь середины лета.

— Когда находишься здесь, возникает ощущение, что вернулся в дом, где прожил уже не один год.

Беспечно расслабившись, Ксинс совсем потерял счёт времени.

— Ну, даже тебе стоит иногда отдыхать, — прозвучал спереди от него голос, и Ксинс криво улыбнулся в ответ.

«Отдыхать? Ну да, прямо в точку».

— Сколько будет заживать твой перелом?

Коснувшись обёрнутой бинтами левой руки, Ксинс склонил голову на бок.

— Зависит от степени повреждений.

— А если это рана от когтей химеры?

Мгновенно настала полная тишина.

«Для паузы в один вздох слишком долго, а два оставят неприятное послевкусие...»

— В первую очередь тебе не хватает тренировок, — принесённый ветром вздох собеседника чем-то напоминал жалобу. — Ладно бы просто ранение, но перелом — это слишком неуклюже, даже для тебя. А я ведь не раз говорил тебе, что насколько бы хороши твои песнопения ни были, в них нет никакого смысла без фундамента в виде крепкого тела.

— Это Вы слишком много тренируетесь...

Не скрывая улыбки, Ксинс поднял взор на собеседника — хозяина этого парка и огромной территории вокруг.

— Ты часто говорил мне об этом. Особенно, когда был моложе, — ровным голосом ответил ему мужчина.

Среди всех знакомых Ксинсу людей, скорее всего, не нашлось бы ни одного, выглядевшего настолько же необычно.

Лучи заходящего солнца освещали верхнюю половину тела собеседника, забронзовевшего от загара.

Единственной одеждой мужчины были выцветшие штаны кипарисового цвета. Однако же его самой надёжной бронёй казались перекатывающиеся под кожей мускулы.

Вдоль его спины до самых плеч вздымались широчайшие мышцы, на животе нельзя было найти ни намёка на жир, а мышцы рук были почти вдвое шире, чем у обычного человека. И хотя он обладал таким поразительным телосложением, в нём не чувствовалось обычного для таких крупных людей тугодумия, что очень удивляло каждого, кто когда-либо встречался с ним в первый раз. Кроме того, в нём совсем не ощущалось тяжести, какая бывает у людей, занятых развитием мускулатуры.

Тело мужчины было отточено до предела тысячами дней упорных тренировок. Подобно тому, как кузнец затачивает меч, в процессе «учёбы» он отсек не только жир, но и все лишние мускулы. Его тело находилось в совершенно другом измерении по сравнению с обычными людьми.

На собственном опыте изучив пределы человеческих костей, мышц и внутренних органов, он создал сбалансированную фигуру.

Это был несомненный идеал человеческого телосложения, недостижимый даже в античных скульптурах.

— Между прочим, сейчас Ваш ход.

— Хорошо. «Королева» на В3.

Мужчина ни на секунду не переставал двигаться, даже когда произносил эту короткую фразу.

В руках он крепко сжимал длинное металлическое копьё.

Он взмахивал и принимал разные стойки с блестящим тёмно-серым оружием.

Взмах. Взмах. Ещё взмах.

Соединяя одно движение с другим, он вращался, чтобы не потерять момент. Вертикальный взмах, горизонтальный, затем косой удар.

Он «разрезал» ветер, порождая свист, который заметно отличался от дующего в парке бриза.

Эта была идеально приспособленная техника боя копьём. Она совмещала в себе проворство, подобное танцующим на ветру птичьим перьям, и пронзающий холод.

Эти ловкие и отточенные движения мужчины создавали ощущение красоты.

«Ну конечно, если бы он принял удар когтей химеры, то всё равно не оказался бы в моём состоянии. Мне, и правда, ни за что не сравниться с ним».

Некоторое время понаблюдав за танцем, Ксинс сосредоточил внимание на металлической доске у себя на коленях. В соответствии со словами своего соперника, он передвинул красную фигуру на ней.

После недолгих размышлений, он поднял собственную фигуру.

— Ну тогда, «Рыцарь» на E12. Мне осталась всего пара ходов до «Короля».

Однако движения копья ничуть не изменились.

— Хм...

Острый блеск в глазах мужчины несколько угас.

— В таком случае я отступлю «Королём» на F15, однако...

Мужчина, чьи короткие, ровно подстриженные волосы цвета льна колыхались на ветру, бросил короткий взгляд на Ксинса.

— Один вопрос. На F12 у тебя стоит «Стрелок», не так ли?

— Да, я поставил его туда три хода назад, заранее нацеливаясь на Вашего «Короля».

— Тогда я уйду «Королём» на D14... В смысле, собирался уйти...

Он снова на секунду прервался.

— Ещё вопрос. А на D14 ты спрятал «Шута»? [] Определить какая именно версия настольной игры существует в их мире не удалось. По набору фигур похоже на курьерские шахматы, но число клеток больше, к тому же, у «Шута» есть возможность маскироваться под «пешку» путём переворота

— О, так Вы его заметили?

Мельком взглянув на доску, Ксинс намеренно изобразил непонимание.

— «Рыцарь» спереди, «Стрелок» блокирует боковой ряд, а там, куда я собирался увести «Короля», расставлена ловушка фигурой «Шута». Это ведь единственная стратегия, которой ты научился, да и то она уж слишком очевидна.

Мужчина продолжал крутить копьём без малейшего намёка на высокомерие. И всё же он безошибочно запомнил все ходы. Как и ожидалось от человека, обучившего Ксинса этой игре.

Поразмыслив несколько секунд, он сделал следующий ход:

— Но я попался в эту ловушку, поэтому мне не стоит говорить о тебе в таком тоне. Сдаюсь.

Его голос постепенно ослаб.

— Моя ежедневная тренировка как раз закончилась. Очень вовремя.

И вместе с его словами, длинное копьё незаметно остановилось.

Дождавшись, когда его собеседник вытрет пот, Ксинс поднялся с кресла.

— Мне показалось, что сегодня Вы были не очень внимательны. Я прав?

— Хм...

Впервые с момента начала тренировки Клаус Юнг Гилшувешер, владелец этого места, повернулся к Ксинсу лицом.

— Я всегда проигрывал без каких-либо шансов, а сегодня Вашим ходам явно не хватало точности.

— Ты прав, извини. Впрочем, это не значит, что я поддавался.

Ксинс и сам отлично это понимал, поэтому молча кивнул.

— Вы о чём-то задумались?

Для Клауса работа с копьём уже не требовала участия мысли. Даже во время ежедневных упражнений он мог принимать участие в настольной игре, но сегодня ему, похоже, приходилось сражаться с кем-то ещё помимо соперника на доске.

— Что-то вроде того, — не скрывая своего настроения, мрачно вздохнул Клаус. — Я беспокоюсь о дочке, хотя она уже взрослая.

— Ей ведь уже шестнадцать, не так ли?

Вопреки суровому внешнему виду, он очень заботился о своих близких. В свободное время Ксинс не раз выслушивал его болтовню о членах семьи.

«Однако он говорит о дочери...»

Ксинс почти не помнил рассказов о дочери, потому что до сих пор Клаус всегда говорил о жене. Он, как будто, специально избегал этой темы.

— Ах да, я мало рассказывал тебе о дочурке.

Заворачивая копьё в белую ткань, Клаус резко сощурился.

— А между прочим, что ты думаешь о такой вещи, как «талант»?

Вопреки ожиданиям Ксинса, что разговор пойдёт о дочери, Клаус задал вопрос о чём-то совершенно постороннем.

— Талант?.. Сложно выдать какой-то занятный ответ вот так с ходу.

— За сорок лет, я видел немало людей, называвших себя «гениями». После многих бесед и совместных трапез с ними, я пришёл к единственному выводу, — вздохнув, Клаус поднял кулак к небу. — В этом мире нет гениев.

— Ни одного среди всех Ваших знакомых?

Ксинс думал, что попал в цель, однако...

— Да, ни одного.

Ничуть не тронутый его вопросом Клаус с каким-то пустым взглядом покачал головой.

— Как я и думал, большинство моих знакомых в тайне прикладывали огромные усилия. Конечно, были и другие добившиеся успеха люди... Но они оказывались всего лишь любимчиками фортуны и ничего из себя не представляли.

На этих словах он прервался, но вскоре продолжил:

— Так мне казалось раньше...

Замолкнув, он пожал плечами.

— И хотя я был полностью в этом уверен, я всё-таки ошибался. Сколько бы я не обманывал себя, я знаю двух человек, всего двух во всём мире, которых вынужден признать «гениями».

С острым блеском в глазах он повернулся к Ксинсу и без промедления произнёс:

— Двое моих знакомых. Один из них ты, Ксинс.

В этот момент Ксинс осознал, что ему стало трудно дышать.

Вслушиваясь в речь Клауса, он в какой-то степени предчувствовал этот ответ.

Ксинс Эирвинкель — первый в истории человек, ступивший на недоступную ни для кого территорию, освоивший все пять цветов песнопений Радужный певчий.

— Мне как-то неловко слышать такую вот похвалу...

— Это чистейшая правда. И ничего ты с этим не сделаешь.

— А кто второй?

Если бы сам Ксинс мог дать кому-нибудь такое звание, то несомненно, это была бы девочка цвета Ночи, с которой он когда-то обменялся обещаниями. Та, с кем ему удалось встретиться в академии спустя десятилетие. Но, разумеется, Клаус никак не мог знать о ней.

— Хотя наш путь не так знаменит, как мир певчих, у него тоже есть своя история и последователи.

Ксинсу это было давно известно, поэтому он не удосужился даже кивнуть.

— В первую очередь это моя семья Юнг, а также другие семьи. Среди нас можно насчитать несколько тысяч вошедших в историю людей. Но вот появилась ни с кем несравнимая девочка, как если бы она была послана нам небом.

Ксинс невольно нахмурился.

«Что он сейчас сказал? Девочка?»

— Да, именно так, — продолжал Клаус пустым голосом, создававшим впечатление, подобное тому, как ржавый металл обращается в прах.

«Но в этом же нет ничего плохого, наоборот, ему стоило бы гордиться. Но почему тогда его взгляд настолько мрачный?»

— Но этот талант перестал расти до того, как расцвёл прекрасный цветок, — слабым голосом произнёс Клаус с выражением страдания на лице. — И более того, она отбросила имя «Гилшувешер», отражавшее её истинный талант, и выбрала путь певчей.

«Имя «Гилшувешер»?»

Ксинс вспомнил бормотание Клауса: «Я беспокоюсь о дочке, хотя она уже взрослая».

— Неужели это ваша...

— Моя единственная дочь.

— Ваша дочь отказалась быть гилшэ, чтобы стать певчей?

— Она решила поступить в академию Тремия.

«Тремия. На ум приходит всего одна школа с таким названием. Быть не может!»

— Да, то самое где ты оказался во время инцидента с самопроизвольно сработавшими катализаторами. Может быть, ты даже встречался с ней.

— Как зовут Вашу дочь?

Некоторое время понаблюдав за крапово-красным солнцем, Клаус тихо произнёс:

— Ада. В этом году она поступила в старшую школу песнопений.

<http://tl.rulate.ru/book/115581/4542210>